

ISSN 0130-1640

„Knowledge is power“ (F. Bacon)

ЗНАНИЕ- СИЛА 6/91

**ЗНАНИЕ —
СИЛА 6/91**

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

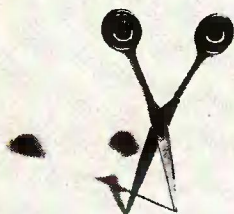
Учредители —
Всесоюзное общество
«Знание»
и трудовой коллектив
редакции

№ 6(768)
Издается с 1926 года

Главный редактор
Г. А. Зеленко

Редколлегия:
Л. И. Абалкин
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
П. Н. Кропоткин
А. А. Леонович
(зам. главного
редактора)
Н. Н. Моисеев
В. П. Смилга
Н. С. Филиппова
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный
секретарь)
Н. В. Шебалин
В. Л. Янин

«Знание — сила», 1991 г.

Обложка В. Брежя

ВРЕМЯ И МЫ

Злободневность будущего

*О состоянии культуры в нашем обществе
с известным литературоведом Людмилой САРАСКИНОЙ
беседует наш корреспондент Лариса БАХНОВА.*

Корреспондент: — Растет тревога за будущее культуры, идет поиск выхода из духовного кризиса нашего общества. Мы наконец поняли, сколько классовый подход наделал зла, ополитизировав культуру, единство и сила которой проявляются именно тогда, когда она — вне политики. И одно то, что мы, осознав, смогли ужаснуться, вселяет надежду. Не так ли?

Л. Сараскина: — Казалось бы, семьдесят лет тоталитаризма — достаточный срок для разрушения человеческой личности. Но вот парадокс: тоталитарный режим проявил слабость и дал маху. Перед лицом всего человечества он не мог показать в открытую «свое свиное рыло» и сохранял видимость цивилизованности — «порок, принужденный рядиться в одежды добродетели». Режим был вынужден оставить Пушкина, Шекспира, Толстого. Он изгонял Достоевского и музыку Бортнянского, но оставил Чехова и Чайковского, изгонял Нестерова и Кандинского, но оставил Тропинина и Врубеля. А это такая мощная прививка человеческому сознанию, интеллекту, памяти, вкусу, эстетическому восприятию. Если есть Лермонтов и Тургенев, Глинка и Рахманинов, Репин и Васнецов, то режимный маразм, который нам прививали, сойдет, а эти великие останутся. Чтобы победить до конца, тоталитаризму нужно было запретить все, ему нужно было в принципе отказаться от духовной культуры, ибо даже маленький ее росток подрывает его основы. На весах человеческой истории — тоталитарный режим, даже в самом зловещем варианте, и сколь-нибудь малый росток культуры. Первая чаша перевесит только в том случае, когда вторая абсолютно пуста.

Корреспондент: — Но ведь были люди, защитившие свою независимость от манипуляций режима. Они работали, творили, и мы благодарны им за то, что свеча не угасла.

Л. Сараскина: — Безусловно. Ведь не впервые в истории человечества общество оказывается в кризисном состоянии — упадок культуры, падение нравственности, но всегда оказываются люди, которые не дают потерять духовные ориентиры, и только благодаря этому можно надеяться на новое возрождение.

Пастернак, Ахматова, Мандельштам, Цветаева, Платонов... Но нельзя забывать, что у них был страстный и бесстрашный читатель. Не одно поколение выросло на «самиздате». Люди переписывали, перепечатывали, фотографировали книги, выражаясь языком уголовного кодекса, занимались «хранением и распространением». А на языке человеческой культуры: хра-

А
ние и распространение — самые нормальные и, более того, необходимые условия ее существования. Вот так идеологические кавычки теряют всякий смысл.

Корреспондент: — *Возрождение в контексте мировой культуры, столь необходимое нам сейчас, — задача очень непростая. Собственное культурное достояние доходило до нас в изрезанном, пристрастно истолкованном варианте. Усеченными выходили Гоголь, Толстой, Достоевский... Словно «черные дыры» поглотили Чаадаева, Соловьева, Бердяева, Шаламова... Для нас, насильственно вырванных из исторического процесса, с искаженным, разорванным сознанием, развитие мировой культуры — накопление культурных ценностей всем человеческим сообществом, предстает как некий пункт: точка — провал, точка — провал. Выпадали имена, направления мысли, целые культурные пласты и эпохи. Одних не перыводили, о других известно только понаслышке, третьих записывали в идеологические враги и беспощадно критиковали.*

Л. Сараскина: — Я бы даже сказала более жестко: мы не приобщены к тому, к чему человек приобщается с детства. Главные книги человечества — Библию и Коран, индийские и китайские философско-религиозные книги — большинство советских людей не знало вообще. Не держали в руках не только в детстве, но и дожив до старости. Наши представления об истории человечества не просто незначительны, они у нас еще и искажены. Что я имею в виду?

Говорить «мы — культурные» могут только люди, приобщенные к истокам культуры человечества, знающие соотношения ценностей. Даже в своем теперешнем возвращении к истокам мы мыслим регионально, локально, продолжаем оставаться эдакими «центропухами», или европоцентристами.

Это очень важный вопрос, над которым я думаю все последнее время. Даже пробую составить хрестоматию для маленьких школьников, которая будет называться «В начале было слово». Ее идея в том, чтобы дети с первых шагов своего читательского опыта обратились к понятию множественности культур, находившихся у истоков человеческой цивилизации. Например, глава из Библии о потопе — тема, общая для всех культур: Вавилона, Древнего Востока, для китайской, индийской, японской древних литератур. Если ребенок в самом начале своего приобщения к книге обнаружит, что мир невероятно многообразен и в то же время в чем-то един, — это сразу ему даст очень важные и верные ориентиры. Обращение к родной культуре должно идти параллельно с изучением мировых достижений. Только тогда родная культура может стать источником любви, гордости...

Корреспондент: — *Гордости, а не гордыни.*

Л. Сараскина: — Конечно. Предположим, ты — осетин, поляк или татарин, у тебя есть своя земля, своя история и своя культура. И ты знаешь, что есть еще и французы, итальянцы и многие другие народы и у них есть свое. Только тогда человек может чувство любви, восхищения родным питать естественным образом, когда он осознает себя частью всего остального мира.

Культивировать же представления, будто Россия — родина слонов, значит — самоутверждаться в национальной фанатерии. Нормальному человеку не свойственно национальное чванство. А попытки навязать ему нечто подобное он первый же и высмеивает, к штампам типа «мы самые-самые» относится скептически; вспомним, появившийся у нас анекдот: «Наш паралич — самый прогрессивный в мире». Сегодня наше национальное самосознание испытывает тяжелый кризис. Идеология «русский народ — Старший Брат», сложившаяся в сталинское время, не может не раздражать, скажем, армян, грузин или таджиков, народы с более древней культурой. Или внушенная русскому народу вера, будто он живет в самой лучшей, свободной, счастливой стране, с самой передовой и правильной идеологией и самым замечательным общественным строем! Теперь, когда многие поняли, что в основе этой веры — лживая пропаганда, выгодная тем, кто грабил народ, раздаются «охи» и «ахи» — мол, рушатся национальные идеалы, у народа отбирают будущее. Но ничего общего с национальным достоянием, с национальной гордостью великороссов весь этот пропагандистский вздор не имеет и иметь не может.

Хочу отметить и другую сторону этой проблемы: национальное чувство, попавшее в ситуацию дискомфорта, может проявлять себя по-разному. До тех пор, пока оно обращено на себя, можно говорить о его здоровье, но как только к нему примешивается оттенок агрессии, начинается болезнь — национализм. Поиски виновных, косые, хмурые, подозрительные взгляды на соседей, разного рода фобии и истерия по поводу этих фобий — симптомы тяжелой болезни, которую переживает сегодня наше национальное самосознание. Оно как бы не справляется с бедой, свалившейся на наш дом. Психологически, эмоционально, интеллектуально не справляется — и ищет врагов по всему свету и вокруг себя. Но это, мягко говоря, поведение странное. Пока народу лгали, что ему хорошо живется, патриотизм поддакивал или помалкивал. Как только народ узнал, что живет он из рук вон плохо,